

А. П. КАЖДАН

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИИ В X в.
И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРОВ
МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ**

В истории Византии X век был веком роста крупного феодального землевладения, веком, когда усилившиеся феодалы вели яростное наступление на крестьянскую общину, когда монастыри и светская знать захватывали крестьянские земли¹. Немногочисленные документы, в которых получил отражение этот процесс (новеллы византийских императоров X в., а также некоторые монастырские акты того времени), являлись предметом неоднократного исследования буржуазных византистов. Этой проблеме были посвящены специальные монографии историков конца XIX в. (В. Г. Васильевского, Ж. Тесто); на ней останавливаются и современные византилисты (Г. Острогорский, А. Андреадис, Э. Бах); ее касались все авторы общих работ по истории Византии. Однако буржуазная историография не разрешила этой проблемы.

Буржуазные византисты исказили характер той борьбы, которая развернулась в X в. между крестьянами и крупными землевладельцами. Буржуазная историография отвела крестьянам пассивную роль в политической борьбе X в., сузив последнюю до рамок борьбы императорской власти против крупной собственности. При этом императорская власть была представлена в идеализированном виде защитницы „младшей братии“, т. е. свободного крестьянства. Византийское государство этого периода изображалось как некая отвлеченная, надклассовая сила, защищавшая мелкое землевладение и боровшаяся с магнатами.

Эта теория получила развитие в трудах выдающихся русских византистов конца XIX в. — В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Признавая наличие наступления динатов на крестьянскую общину, В. Г. Васильевский стремился изобразить этот процесс в известной мере как борьбу национального характера, как борьбу дината — „ловкого и оборотливого грека“ — „против крестьянской (славянской) общины“². Далее В. Г. Васильевский преуменьшал силу крестьянского сопротивления, старательно выдвигая на первый план добровольность крестьянского перехода под власть феодала. „Отдельный член общины, — писал В. Г. Васильевский, — охотно покидал иногда свой участок и

¹ М. В. Левченко. История Византии, М. — Л., 1940, стр. 150.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV, 1930, стр. 256.

предпочитал сесть присельником на чужой земле, в поместье богатого землевладельца¹.

С другой стороны, В. Г. Васильевский считал, что в своем наступлении на крестьянство греческие династы встречали решительное сопротивление со стороны императорской власти. „Вооруженные старыми государственными преданиями византийские императоры гораздо яснее и строже (нежели франкские. — А. К.) понимали свои обязанности ко всем подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее для всех благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть ее первейший долг“².

Идеализируя византийское государство, В. Г. Васильевский, однако, приходил в противоречие с данными используемых им источников и со своими собственными выводами о гнете византийской государственной машины, которая тяжелым грузом податей и экстраординарных повинностей обрекала крестьян на нищету и принуждала их искать спасения от бремени податей на частновладельческих землях.

Воззрения В. Г. Васильевского нашли свое дальнейшее развитие в трудах Ф. И. Успенского. Если В. Г. Васильевский считал, что императорам Македонской династии не удалось, несмотря на все их попытки, защитить византийское крестьянство от разорения и подчинения феодалам, то Ф. И. Успенский полагал, что „гуманные меры правительства в защиту мелкого землевладения“³ были эффективными. По его словам, „законодательством X и XI вв. общинное землевладение поставлено было под защиту государства и ему была дана возможность вести успешную борьбу с властями и с крупным землевладением“⁴.

В западноевропейской византистике конца XIX в. получила широкое распространение так называемая „фискальная теория“, согласно которой развитие общественных отношений в Византийской империи определялось интересами и требованиями фиска. Эта теория была распространена и на аграрное законодательство X в. Дж. Бьюри утверждал, что это законодательство целиком определяется фискальными соображениями, причем Дж. Бьюри характеризовал его как „близорукую политику“, направленную на обогащение казны, а не на укрепление государства⁵.

Характерной чертой буржуазного византиноведения XX в. является идеализация византийского самодержавия, — могущественного органа подавления и эксплуатации народных масс. Эта идеализация в работах современных буржуазных византинистов получила свое выражение в теории, рассматривающей византийских императоров как носителей абстрактной идеи „общего блага“. Так, Н. Бэйнз утверждает, что правители Византийской империи якобы обладали „сознанием возложенного на них долга сохранения и защиты цивилизации“ и вся их деятельность как законодателей и полководцев была обусловлена этим „высоким сознанием“⁶.

¹ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 252. (Разрядка наша. — А. К.)

² Там же, стр. 259.

³ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. ССХХV, 1883, стр. 33.

⁴ Его же. Значение византийской и южнославянской проники. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб., 1883, стр. 30.

⁵ J. B. Bury in: E. Gibbon. History of the Decline and Fall of Roman Empire, v. V, London, 1898, p. 533.

⁶ N. Baynes. Introduction. „Byzantium“, Oxford, 1948, p. XVIII ff.

С целью идеализации императорской власти в Византии современные буржуазные византинисты использовали оценку аграрного законодательства X в., данную В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, и стали рассматривать императоров Македонской династии как „защитников общего блага и цивилизации“, заботящихся о сохранении византийского государства.

В наиболее примитивной форме эта теория была высказана в книге английского политического деятеля и историка С. Рэнсимена „Император Роман Лекапин и его царствование“. Рэнсимен утверждает, что император Роман Лекапин был испуган ростом крупного землевладения, так как богатства магнатов представляли собою угрозу его авторитету¹. Более подробно останавливается на этой проблеме Г. Острогорский. Он считает, что защита мелкого землевладения от феодальной аристократии была вызвана стремлением государства спасти солдат и плательщиков податей, ибо развитие центробежных феодальных сил представляло собою угрозу для самодержавного византийского государства².

Особенно детально эта теория была развита А. Андреадисом, который указывает на четыре основные причины, породившие, по его мнению, аграрное законодательство императоров Македонской династии: 1) стремление сохранить стратиотские земли, ибо в противном случае государству пришлось бы содержать армию наемников, а это было и дорого, и опасно; 2) крупные земельные собственники („феодалы бароны“) были опасны для византийского государства, ибо часто поднимали бунты против императорского трона; 3) Восточно-Римскому государству казалось более легким собирать подати с мелких собственников, нежели с крупных; 4) правительство — под влиянием учения христианской церкви — считало „своим долгом защищать бедных и униженных“³.

Подобную же оценку деятельности императоров Македонской династии мы найдем и у других современных буржуазных византинистов: Э. Баха, Г. Ст. Мосса, Дж. Ла Монта⁴. При внешнем сходстве с концепцией В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского теория современных западноевропейских византинистов имеет, однако, и коренные отличия от этой последней. Современные буржуазные византинисты не связывают политику императоров X в. с защитой общины, и государство у них действует не в интересах экономической слабой „младшей братии“, но прежде всего — в интересах самого государства, выступающего хранителем „цивилизации“ и защитником абстрактного „общего блага“: они считают, что аграрные реформы были продиктованы соображениями финансового и военного порядка. В наиболее крайней форме эта точка зрения была развита реакционным бельгийским византинистом А. Грегуаром, который прямо считает аграрное законо-

¹ S. Runciman. *Emperor Romanus Lecapenus and his reign*, Cambridge, 1929, p. 225.

² G. Ostrogorsky. The peasant's pre-emption right. „*Journal of Roman Studies*“, XXXVII, 1947, p. 117.

³ A. Andréadès. *Economic life of the Byzantine empire*. „*Byzantium*“, Oxford, 1948, p. 56.

⁴ E. Bach. *Les lois agraires byzantines du X-e siècle*. „*Classica et Mediaevalia*“, V, 1942, p. 70—91; H. St. Moss. *The History of Byzantine empire*. „*Byzantium*“, Oxford, 1948, p. 21; J. L. La Monte. *The world of the Middle Ages*. New-York, 1949, p. 136, 142. Особенно подчеркивают благочестивость византийских императоров P. Charanis, *Monastic properties and the state*, „*Dumbarton oaks papers*“, IV, 1948, p. 85, 91, 99, 111 и D. Talbot Rice, „*Journal of Hellenic Studies*“, LXIX, 1949, p. 88.

дательство второстепенным явлением (*épiphénotèmes*) и существо деятельности императоров Македонской династии видит в их военной политике¹.

Таким образом, современные западноевропейские и американские буржуазные византилисты рассматривают императоров Македонской династии не как защитников крестьянства, подобно В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому, но как носителей мистической идеи надклассового государства, идеи абстрактной цивилизации.

Методологически порочная, реакционная точка зрения буржуазных историков была подвергнута резкой и принципиальной критике в работах советских византистов: М. В. Левченко, З. В. Удальцовой, Б. Т. Горянова². В то же время советские медиевисты, опираясь на основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма, разработали теорию средневекового государства, которая помогает определить характер и византийского государства.

Классики марксизма-ленинизма учат, что государство вообще и феодальное государство в частности — это „машина для поддержания господства одного класса над другим“³. Основная задача государства заключается в том, чтобы „держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“⁴. Следовательно, говоря о Византийской империи, мы не можем рассматривать государство как „защитника экономически слабого“ или видеть в нем „хранителя цивилизации“, но должны выяснить классовую природу этого государства.

Из учения классиков марксизма-ленинизма о государстве следует далее, что характер феодального государства и его деятельность в значительной степени определяются классовой борьбой в обществе и прежде всего классовой борьбой крестьянства. Именно обуздание крестьянства являлось главной задачей всякого феодального государства. Ясно поэтому, что крестьянские движения были той силой, которая оказывала существенное влияние на политику феодального государства: их размах, характер и т. д. определяли как силу наступления феодального государства на крестьян, так и меру его уступок крестьянству.

Буржуазные византилисты не были способны понять, что „история есть ряд эпизодов классовой борьбы“⁵. Они пренебрегали историей классовой борьбы и, в частности, историей классовой борьбы в Византии. Идеализируя императоров Македонской династии, они не хотели видеть и изучать крестьянские восстания, которые происходили в то время, и уж во всяком случае не связывали этих восстаний с аграрной политикой императоров X в.

В советской исторической науке классовая борьба византийского крестьянства X в. еще не была подвергнута специальному анализу. Лишь М. В. Левченко в „Истории Византии“ остановился на характеристике некоторых фактов из истории борьбы византийского крестьянства X в., но и то лишь в самой общей форме, насколько позволяли это сделать задачи книги.

¹ Н. Grégoire. „Byzantion“, t. XVI, 1944, p. 553.

² М. В. Левченко. „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 328; З. В. Удальцова. „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 352; Б. Т. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. „Вопросы истории“, 1945, № 3—4.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 441.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 604.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 138.

Нам уже приходилось останавливаться на характеристике отдельных крестьянских движений в правление императоров Македонской династии¹. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать общую характеристику крестьянских движений в Византии X в. и поставить в этой связи вопрос о классовой природе и сущности политики византийского государства.

Непосредственные производители в византийской деревне X в.

В Византии X в. сохранилось значительное количество крестьян, не находившихся в состоянии личной зависимости. Однако этих крестьян вряд ли можно назвать свободными: они обязаны были разнообразными государственными повинностями и были прикреплены к земле. По данным Зонары, относящимся к правлению императора Никифора Фоки, византийское сельское население, обязанное государственными податями², состояло из стратиотов (которые, в свою очередь, подразделялись на ряд категорий), лиц, обязанных обслуживать ведомство дрома (*ταῖς δρομικαῖς στρατείαις ἐγγράφοντες*) и, наконец, „бедняков“ (*ἄποροι*).

Стратиоты были, как правило, мелкими землевладельцами. Их главной повинностью была военная служба. Стратиоты должны были являться в войско с собственным вооружением³: жития Филарета Милостивого и Евстратия Авгарского, например, повествуют о наказаниях, которые ждали стратиота-всадника, осмелившегося явиться в поход без коня. Впрочем, из „Книги церемоний“ мы узнаем, что некоторые стратиоты получали коней от государства или от других жителей своей фемы⁴. Стратиотов было много в Опсикии: жители этой фемы характеризуются в житии Филофея Опсикянина как опытные в военном деле⁵. В Галатии, где важной отраслью хозяйства было кочевое скотоводство, крестьяне также были вооружены и несли военную службу⁶. Аналогичные известия встречаются в трактатах по военному делу; из последних видно, что в восточных фемах империи жили крестьяне (они называются здесь *οἰκοφύλακας*), которые были вооружены копьями, ездили верхом и участвовали в войнах с арабами; однако вооружение их было крайне бедным: они вступали в бой с обнаженной головой, а иные были даже босы⁷.

Военная служба была основной, но не единственной повинностью стратиотов: по свидетельству уже цитированной „Тактики Льва“, стратиоты обязаны были платить государственную денежную подать (*δημόσιον τέλος*).

Положение византийских стратиотов было тяжелым, и наши источники нередко говорят о „бедных стратиотах“⁸. В хронике Продолжателя

¹ А. Каждан. Восстание Василия Медной руки. „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 72—83. Для понимания классовой борьбы византийского крестьянства большое значение имеет изучение народных движений в соседних странах и, в частности, в Армении этого времени. См. Б. М. Арутюнян. Крестьянские волнения в Сюнии. „Уч. зап. Ереванск. гос. русск. пед. ин-та“, т. II, 1950, стр. 161—182.

² Zonaras Epitomae, ed. L. Dindorf, v. IV, 1871, p. 82. 15—23.

³ Leonis Tactica, IV, 1.

⁴ Constantini Porphyrogeneti, De caerimoniis, Bonn, p. 658. 6—8.

⁵ Migne. Patrologia graeca, t. CXXXVI, col. 144. B.

⁶ L. Petit. „Revue de l'Orient chrétien“, VIII, 1903, p. 170. 27.

⁷ De velitatione bellica (apud Leo Diaconus. Historiae, Bonn, 1828), p. 236. 13—16.

⁸ C. Sathas—E. Legrand. Les exploits de Digénis Acritas, Paris, 1875, стр. 1523.

Феофана рассказывается о стратиоте, после смерти которого остались вдова и „нищие дети“¹. Новелла Романа II говорит о стратиотах, впавших в крайнюю бедность и лишенных возможности выполнять стратиотскую повинность (*στρατιωτικὸν βάρος*)².

Обязанность обслуживать ведомство дрома, т. е. выполнять барщины, связанные с перевозкой императорских послов и императорской почты, возлагалась на так называемых экскуссатов дрома³, которые, повидимому, были освобождены от других повинностей. Кроме того, существовали еще экскуссаты иного типа. В „Книге церемоний“ рассказывается об экскуссатах из деревни Тември в феме Опсикий, которые находились в ведении императорского стольничьего и обязаны были ловить рыбу — повидимому, для императорского стола⁴. Возможно, что к этой категории были близки и просодиарии (обязанные рентой натурой?), которые упоминаются в некоторых актах.

Последнюю категорию государственных крестьян составляли государственные парики, выполнявшие денежные или иные повинности.

Все категории государственных крестьян были прикреплены к земле. Однако тяжесть обложения и военной службы нередко заставляла их покидать родные деревни. Инструкция для сборщиков податей X в. — так называемый „Трактат об обложении“ — предусматривает некоторые случаи, в которых признается необходимым уменьшать тяжелую поземельную подать в целях предотвращения бегства крестьян. Из актов X в. мы узнаем, что стратиоты, просодиарии, экскуссаты дрома и государственные парики уходили со своих земель и скрывались во владениях архонтов и церквей⁵.

В источниках сохранилось много известий о бегстве стратиотов. В новелле Романа II тщательно регламентируются наказания за укрыительство беглых стратиотов: при этом император указывает, что наказанию подлежит тот, кто принимает в своих владениях зажиточного стратиота; если же будет обнаружено, что бежал и поселился на чужой земле разоренный стратиот, наказанию должен быть подвергнут виновник его разорения и бегства⁶. В Житии Павла Латрского рассказывается о десяти моряках-стратиотах, которые по приказу начальника фемы были схвачены и закованы в цепи, за то, что бежали „от общей литургии“⁷. Несколько неопределенное известие о бегстве из войска содержится в одном из писем патриарха Николы Мистика⁸.

В византийской деревне X в. еще сохранились развитые общинные отношения. Новелла Романа II рассматривает крестьянскую землю, как входящую в состав общины (*βυῆς*), указывая, что при отчуждении этой земли приходится отрезать надел от общины⁹. Тот же термин (*βυῆς*) встречается и в новеллах других императоров X в. Акты X и даже последующих веков, относящиеся к району Солуни, свидетельствуют о существовании здесь общих угодий, на которых всем соседям раз-

¹ Theophanes Continuatus, p. 93. 15.

² C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, Lips., 1857, p. 286, 24.

³ G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, Paris. 1937, № 28.29.

⁴ Const. Porph. De cerim., p. 488. 18.

⁵ Александр Лаврский. Ἀδελφικὸν Στοά. „Византийский временник“, т. V, 1898, стр. 488. 2.

⁶ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, p. 286. 22.

⁷ H. Delehaye. Analecta Bollandiana, XI, 1892, p. 63. 19.

⁸ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 276. B.

⁹ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, p. 283. 20.

решалось собирать каштаны и хворост, пасти скот и косить сено¹. Пира (XXXVII, 2) также говорит о существовании общих пастбищ. Наконец, „Трактат об обложении“ отмечает наличие общих земель деревни².

Итак, мы можем отметить, что в Византии X в. существовало значительное количество крестьян-общинников, которые не находились в личной зависимости, но зато обязаны были выполнять определенные повинности по отношению к государству. Эти крестьяне были прикреплены к своей общине и не могли отказаться от выполнения возложенных на них повинностей.

Вторая категория непосредственных производителей византийской деревни X в. — феодально-зависимые крестьяне. Феодальная зависимость встречается здесь в разных формах. Так, в одном из писем Николая Мистика рассказывается о деревне, которая обязана была платить натуральную ренту (зерном) одной из церквей³. Новелла Романа Лекапина свидетельствует о том, что знать подчиняла себе деревни и заставляла их жителей выполнять барщины (ἀγχαῖαι)⁴. В более поздней новелле прямо говорится, что феодалы, подчиняя себе крестьянскую общину, превращают ее в собственный проастиий, т. е. в зависимое поселение⁵.

В других случаях насилие феодала обращается не против целой деревни, но против отдельного лица. Новелла Константина Багрянородного отмечает случаи превращения стратиотов в частновладельческих крестьян: тот, кто был уличен в подобном преступлении против стратиота, должен был, согласно этой новелле, уплатить денежный штраф, половину которого получал сам стратиот⁶.

Наконец, феодально-зависимыми крестьянами становились и вольноотпущенники, которым их владельцы жаловали так называемые „легата“, т. е. небольшие наделы земли⁷.

Таким образом, можно видеть, что положение феодально-зависимого крестьянства в Византии X в. не было единообразным: в его среде

¹ G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, № 3.28, № 19.31. L. Petit. Actes de Chilandar, „Византийский вестник“, XVII, 1911, Приложение, № 2.53.

² F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, S. 115.36. В некоторых областях Византии мы встречаем даже пережитки родовых отношений и остатки большой семьи. В Житии Филарета Милостивого сохранилась картина пафлагонской большой семьи, состоящей из трех, если не из четырех поколений и насчитывающей около 30 человек. (А. А. Васильев. ИРАЙК, IX, 1900, стр. 76. 29 и 141. 15). Повидимому, большая семья существовала и в Галатии (L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VIII, 1903, p. 173. 14). О наличии в Византии пережитков родовых отношений свидетельствует и то обстоятельство, что при построении войска рекомендовалось братьев и родственников включать в один отряд, ставя их вместе и во время похода, и в бою (Leonis Tactica, IV, 39; Ю. Кулаковский. Стратегикон императора Никифора. „Записки АН“, сер. VIII, т. VIII, 1908, ч. 9, стр. 12. 13). Наконец о совместном земельном владении родственников говорят известные постановления императоров X в. (С. Е. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, p. 238. 11).

³ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 260. B.

⁴ С. Е. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 247. 5.

⁵ Ibid., III, 310.

⁶ Ibid., III, 266, 14.

⁷ Об отпуске рабов на волю в X в. см. в житиях L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VII, 1902, p. 557. 31; Migne. Patrologia graeca, CXX, col. 100. D. Ср. также грамоту 897 г. — G. Rouillard — P. Collomp, Actes de Lavra, № 1.19. Очень яркое свидетельство от середины XI в. — В. Бенешевич. Завещание византийского боярина. ЖМНП, 1907, № 5, стр. 224, 228—229. См. также А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. „Уч. зап. Тульск. гос. пед. ин-та“, вып. 2, 1951, стр. 74 и сл.

имелись различные категории зависимых людей. С этим обстоятельством связано и наличие различных терминов для обозначения феодально-зависимых крестьян. В актах этого времени уже встречается термин *προσκηδύμενος* в несомненном значении „зависимый крестьянин“¹. Указанная новелла Константина Багрянородного именует зависимого крестьянина париком. Возможно, что в этом же значении употреблялся и термин *ἀγρόται*; в житии Георгия Амастридского перечисляются три категории византийского крестьянства: стратиоты, *γεωργοί* и *ἀγρόται*². Если допустить, что термин *γεωργοί* обозначает государственных париков, то термином *ἀγρόται* должны быть в этом памятнике обозначены какие-то крестьяне, отличающиеся от них по своему положению, т. е., скорее всего, лично-зависимые; но, конечно, это только предположение.

О положении проскафименов и париков X в. имеется мало сведений. Однако из известного постановления магистра Косьмы ясно, что церковные парики могли уходить с земель церкви, причем епископ обязан был выдать им материал их строений³. Это известие подтверждается одним письмом Михаила Пселла, относящимся к концу XI в., из которого видно, что частновладельческие парики еще и в это время пользовались свободой перехода⁴. Владение парика рассматривалось в юридических памятниках начала XI в. как его условная собственность (Пира, XV, 2).

Количество феодально-зависимых крестьян в X в. было сравнительно невелико, и крупным собственникам нередко приходилось применять на своих землях труд наемных батраков: мистиев, эргатов или фетов. Из одной новеллы X в. видно, что господская земля обрабатывалась в основном париками и фетами⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что рабство как уклад продолжало сохраняться в Византии вплоть до XI в.⁶ Рабский труд находил себе применение как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. И „Трактат об обложении“, и новелла Романа Лекапина (934) говорят о рабах, живущих в проастиях, т. е. поместьях⁷. Хроника Скиицы-Кедрина повествует о том, что военнопленные, захваченные во время похода Никифора Фоки на Крит, были посланы работать на поля⁸.

Источником рабства являлась в первую очередь война: хроники X в. постоянно говорят о захвате пленных, которые, по словам так называемой „Тактики Льва“ (X. 4), либо подлежали обмену на попавших в плен византийцев, либо же продавались в рабство. Яркую картину торговли военнопленными рисует новелла императора Иоанна Цимисхия, из которой мы узнаем, что стратиоты, захватившие рабов в ходе сражения, либо продавали их тут же на месте, либо же отвозили в особые эмпории, служившие, следовательно, специальными рынками для продажи рабов. Покупателями рабов являлись прежде всего архонты, которые специально направляли своих слуг в войско,

¹ G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra, № 2. 22.

² В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II, СПб., 1893, стр. 23. 4—6

³ Ф. Успенский—В. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1927, стр. XXXV.

⁴ C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, 1876, p. 381. 4—5.

⁵ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, 266. 24.

⁶ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „Уч. зап. Тульск. гос. пед. ин-та“, вып. 2, 1951, стр. 65 и сл.

⁷ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte d. byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, S. 115. 40; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 247. 3.

⁸ Cedrenus. Compendium historiarum, Bonn, 1839, II, p. 341. 13.

в надежде купить рабов по более дешевой цене. Купленных военнопленных архонты отсылали в свои поместья¹.

Византийцы покупали рабов и у иностранцев: вплоть до X в. крупную роль в работорговле играли венецианцы². Кроме того, византийцы покупали рабов у русских, болгар, венгров и арабов.

Положение рабов было крайне тяжелым. Из жития Андрея Юродивого мы узнаем о жестокости некоего константинопольского вельможи, который обрекал своих рабов на голод и жажду, лишал хитонов и обуви, подвергал бичеванию³. Рабы не считались субъектами права: они не могли иметь законную семью (до новеллы Алексея Комнина, изданной в 1095 г.), не могли давать свидетельские показания на суде. Повидимому, в это время еще оставалось в силе постановление Эклоги (XVII, 49), освобождавшее господина от ответственности за убийство раба, если оно было совершено во время „обычного“ наказания раба ремнями или палками.

Число рабов было значительным. Во владении некоторых богачей могли находиться тысячи рабов⁴. Жития IX—X вв. нередко упоминают рабов, что несомненно свидетельствует о распространении рабства.

Жестокая эксплуатация рабов порождала протест с их стороны. Возмущение рабов прежде всего выражалось в бегстве, о котором часто говорят источники. Новеллы императора Льва VI подчеркивают массовый характер бегства рабов и в связи с этим запрещают беглому рабу стеновиться монахом⁵. В новелле Константина Багрянородного детально рассматривается вопрос о размерах той суммы, которую господин бежавшего раба обязан был выплатить лицам, содействовавшим ему в возвращении беглого⁶.

Хроники сообщают об открытых возмущениях рабов, которые имели место в конце IX в. В хронике псевдо-Симеона сохранились выдержки из антифотианского памфлета, в котором говорится о возмущении императорских рабов, требовавших увеличения выдачи им хлеба⁷. Несколько позднее произошло восстание сельских рабов некоего Асилеона, близкого родственника императора Василия I. Рабы, вооружившись мечами, убили своего господина, с жестокостью которого они больше не могли мириться. Восстание рабов было безжалостно подавлено, а участники его преданы смертной казни⁸. Известий о восстаниях рабов в X в., насколько нам известно, не сохранилось, однако Пира (XXVIII, 6 и XLII, 17) рассказывает о восстании рабов в начале XI в. Восставшие рабы, руководимые сыном патрикия Ваасания, заняли остров Газуру. После подавления восстания рабы были переданы тем рабовладельцам, владения которых пострадали от нападений восставших.

Таким образом, сельское население Византии было чрезвычайно разнородным: здесь существовали государственные крестьяне нескольких категорий, различные типы феодально-зависимых крестьян, рабы

¹ C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 302. 9—32.

² См. об этом G. L. F. Tafel—G. M. Thomas. *Urkunden z. älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig*, Bd. I, S. 5 и 20—21, а также И. Иванов. *Български старини из Македония*, София, 1931, стр. 306.

³ Migne. *Patr. gr.*, t. CXI, 725. B.

⁴ Ср. М. В. Левченко. *История Византии*, стр. 151.

⁵ C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 82. 4 и др.

⁶ *Ibid.*, III, p. 280. 3—17.

⁷ *Theoph. Cont.*, p. 673. 16. •

⁸ *Ibid.*, p. 839. 18.

и, наконец, батраки. Большое разнообразие категорий зависимого населения характерно как раз для периода незавершенности в развитии феодальных отношений.

Структура господствующего класса

Многообразие форм эксплуатации непосредственных производителей в Византии соответствовала и сложность структуры господствующего класса. В последнем можно выделить две основные прослойки. Первую из них составляли столичные чиновники, вельможи, архонты, которые в значительной степени существовали за счет императорских „щедрот“ и в силу этого были заинтересованы в сохранении централизованной ренты, которую уплачивали государственные крестьяне¹.

Сравнительно широкое распространение централизованной ренты в Византии X в. связано с незавершенностью здесь процесса феодализации. Поскольку в обстановке славянских вторжений крестьянская община укрепилась, поскольку в то же время феодальная система хозяйства была еще сравнительно слабо развита, постольку господствующий класс византийского общества мог осуществлять эксплуатацию непосредственных производителей только в форме централизованного насилия. Это централизованное насилие необходимо было именно для того, чтобы преодолеть упорное сопротивление крестьянства попыткам его подчинения в процессе феодализации. И. В. Сталин указывает, что надстройка является „величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис...“² Это гениальное положение И. В. Сталина целиком применимо и к истории Византии рассматриваемого периода, когда византийское государство выполняло задачу активного содействия в оформлении и укреплении нового феодального базиса, подчиняя и закрепощая крестьянство. Сломить сопротивление общины было не под силу отдельному феодалу — эту задачу могло выполнить лишь централизованное государство.

С незавершенностью процесса феодализации тесно связано то обстоятельство, что чиновная знать Константинополя не предстает перед нами как родовитая знать — процесс ее консолидации еще далеко не закончен. Состав этой знати пополнялся за счет верхушки торгово-ремесленных кругов, имевших возможность купить чин, богатых клириков, отличившихся стратигот и др. В византийской литературе конца X — начала XI вв. содержится немало насмешек над подобными „выскачками“. Например, в одной из эпиграмм Симеона Логофета рассказывается о некоем Дисинии, который в молодости был вынужден зарабатывать себе на хлеб тем, что ставил клистиры больным в странноприимных домах, а затем сделался магистром и стратиготом³.

Тяжесть централизованной ренты, взимание которой сопровождалось к тому же всевозможными злоупотреблениями, взяточничеством и вымогательством, порождала среди налогоплательщиков ненависть к сборщикам податей. Эта ненависть отразилась в отдельных местах

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, т. IV, 1948, стр. 68.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7.

³ В. Г. Васильевский. Два надгробных стихотворения Симеона Логофета. „Византийский временник“, т. III, 1896, стр. 578.

некоторых агнографических памятников, — в житиях Георгия Амастридского, Филарета Милостивого, Георгия Декаполита, Феоклита, Марии Новой; о сборщиках податей с осуждением говорит и поэт конца X в. Иоанн Геометр¹. Из византийских памятников X в. можно видеть, что для крестьянина сборщики податей, эти жалкие людишки, подвергавшие побоям стратиотов и крестьян и извлекавшие для себя из крови бедняков таланты золота², — были наиболее ненавистными представителями господствующего класса. Иначе говоря, поскольку в Византии закрепощение крестьянства приняло централизованные формы, протест против закрепощения приобретал характер протеста против взимания централизованной ренты.

Вторая группировка господствующего класса Византийской империи — это провинциальная феодальная знать. Уже А. Гфрёрер обратил внимание на то, что влиятельная родовитая знать появляется в Византии только в середине IX в. и усиливается в следующем столетии³. Именно в это время повышается значение таких знатных родов, как Дуки, Аргирь, Фоки, Куркуасы, Склиры, Малены и пр., по большей части происходившие из Каппадокии, Харсианы и других восточных областей. По мере укрепления феодального способа производства и складывания поместного аппарата принуждения, владения некоторых из них превращаются в своеобразные государства, а из числа своих „людей“ они имеют возможность набирать настоящие армии.

Насколько большим влиянием пользовалась уже в середине IX в. каппадокийская знать, показывает сравнение двух житий: Феодоры Солунской и Ирины. Феодора Солунская, дочь человека не бедного, обладавшего рабами, вступив в монастырь, выполняет там сперва самую черную работу: ходит за покупками, приносит дрова и т. п. Иное дело — Ирина, дочь знатного каппадокийского феодала: она прибывает в Константинополь с невиданным торжеством, ее встречает многочисленная родня — члены синклита, патрикии и пр. После того, как ее не удалось выдать замуж за императора Михаила III, она постриглась в монахини и уже к двадцати годам стала игуменьей большого монастыря Хрисоваланта⁴.

В провинциях местная знать постепенно вытесняет представителей центрального аппарата. В этой связи чрезвычайно любопытно выражение, которое употребляет, характеризуя влияние знати в провинциях, император Лев VI в 84-й новелле. Он лицемерно утверждает, что в Константинополе императорские чиновники в состоянии установить справедливость, и противопоставляет этому положение в остальной стране, „которая лишена всякой помощи“⁵, — в ней, следовательно, влияние центрального государственного аппарата идет на убыль. Рост провинциальной феодальной знати, ее консолидация как замкнутой „родовитой“ группировки отразились и в „Тактике Льва“ (конец IX в.), автор которой во многом сохраняет архаичные представления о знатности. Так, он утверждает: „Подобно тому, как животных мы разделяем на благородных и худородных (εὐγενῆ καὶ δυσγενῆ) по их поступкам

¹ Migne. Patr. gr., t. CVI, col. 257. A.

² De velitatione bellica, p. 239. 23.

³ A. Fr. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Graz, 1873, Bd. II, S. 488. Совершенно ошибочным является утверждение R. Guillard (La noblesse de race à Byzance, „Byzantinoslavica“, IX, 1948, p. 307 sq), будто в Византии постоянно существовала родовитая знать.

⁴ Еп. Арсений. Житие Феодоры Солунской, Юрьев, 1899, стр. 14; Acta Sanctorum (AASS), Juli VI, 607. F et 610. F.

⁵ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 180. 20.

и повадкам, так точно и благородство людей надо определять не по предкам, но по собственным их делам и подвигам" (II, 22). Стратиги, говорится далее в „Тактике“, „прославляются не родовитостью (μὴ ἀπὸ τοῦ γένους), но своей собственной добродетелью" (II, 26). Но в других местах он выдвигает противоположный принцип, рекомендуя (IV, 42), „если возможно“, назначать все-таки военных командиров из числа богатых и знатных. Такая двойственность характерна именно для периода консолидации знати и в соответствии с этим — ломки старых представлений о государстве.

Еще более отчетливое свидетельство торжества новых отношений мы находим в новелле императора Василия II, изданной в 996 г. Император указывает, что появились такие знатные роды, которые уже в течение 70, а то и 100 лет сохраняют выдающееся положение¹. Сам Василий, правда, еще стоит на старых позициях, пытаясь трактовать это явление как исключительное, но с несомненностью можно утверждать, что его новелла отражает укрепление и консолидацию провинциальной знати.

Провинциальная знать — после того, как византийское централизованное государство в основном выполнило свою задачу подчинения и закрепощения свободных крестьян-общинников — перестала нуждаться в таком дорогостоящем аппарате принуждения. Начинает складываться новый аппарат принуждения — в форме феодальной иерархии, являющейся, по выражению Маркса и Энгельса, „ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса“². Данные о складывании феодальной иерархии в Византии чрезвычайно скудны, однако они все же существуют.

Насколько нам известно, возникновение в Византии элементов личной зависимости вассального типа относится ко времени правления императора Михаила II, который потребовал от синклитиков письменной присяги в том, что они будут верны его жене и детям после его смерти³. Рассказывающий об этом хронист (Продолжатель Феофана), живший в X в., все еще неодобрительно отзывается об этой попытке установить такого рода отношения — даже между императором и подданными: по мнению хрониста, Михаил II стремился овладеть не только настоящим, но и будущим, тогда как на самом деле будущее зависит не от синклитиков, но от божьей десницы. Таким образом, в глазах Продолжателя Феофана, личные отношения нового типа являются противоречащими божественной воле. Точка зрения хрониста в данном случае свидетельствует о недавнем появлении этого вида „зависимости“. Отношения вассалитета в X в. несомненно существовали. Хроники рассказывают о восстании знатного каппадокийского феодала Андроника Дуки (906—907), который поднял мятеж со своими сыновьями, родственниками и „людьми“ (ἄνθρωποι)⁴, — под последним термином необходимо понимать вассалов Андроника. Новелла императора Константина Багрянородного позволяет предположить существование в середине X в. схолариев, находившихся в зависимости от лиц, более знатных (πρὸς ταῖς ἀρχαῖς δυνατωτέρων ὑφεικτούμενοι)⁵, — эту зависимость также надо считать вассалитетом. Когда, наконец, Лев Диакон рассказывает о том, что Иоанн Цимисхий раздавал земли мелким соседним

¹ С. Е. Zachariae von Lingenthal, *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 309. 20.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14.

³ T. eoph. Conth., p. 78. 19.

⁴ Ibid., p. 867. 5.

⁵ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 255. 10.

землевладельцам¹, то что же может обозначать этот факт, как не субинфеодацию?

В связи с появлением элементов феодальной иерархии развивается и представление о феодальной юрисдикции, сформулированное совершенно отчетливо в житии Феоклита: „Господин является учителем всякой добродетели и наставником тех, кто находится под его властью (οἱ ὑπο τὴν αὐτοῦ χεῖρα τeloύντες) независимо от того, рабы они или свободные“². К этому следует, наконец, добавить, что в рассматриваемый период создается феодальная армия тяжеловооруженных катáфрактов, сменивших ополчение крестьян. Стратiotы с середины X в. постепенно начинают превращаться в замкнутое сословие рыцарей, — этот процесс получил свое завершение в XI в.

Таким образом, существо изменений, происшедших в характере политического господства правящего класса Византии в X в., сводится к следующему. Централизованное византийское государство, опиравшееся на большой бюрократический аппарат и взимавшее централизованную ренту, в основном уже к концу IX в. выполнило свою задачу, сломив открытое сопротивление крестьянской общины и подавив восстания Фомы Славянина и Хрисохира. Однако оно не уничтожило и не могло уничтожить крестьянского сопротивления вообще, оно лишь ввело его в более ограниченные и узкие рамки. Это, разумеется, не сделало менее ненавистным для крестьян ни самое государство, ни взимаемую им централизованную ренту. Но эксплуатация крестьянства в условиях укрепления феодальной собственности на землю могла быть осуществлена непосредственно самими феодалами. В связи с этим появляется группировка господствующего класса Византии, стремящаяся освободиться от дорогостоящего централизованного государства и создать государства-поместья, объединенные между собой системой вассалитета. Эта группировка, к которой принадлежала по преимуществу провинциальная знать, вела, по существу, борьбу за ренту с константинопольским чиновничеством; подобно последнему, она являлась феодальной группировкой, эксплуатировавшей крестьянство. В отдельных случаях представители провинциальной знати старались использовать народное недовольство в своих целях.

Крестьянские движения X в.

X в. — век активного наступления феодалов на крестьянскую общину — не знает таких грандиозных движений, как восстание Фомы Славянина. Крестьянские движения сплошь и рядом ограничиваются пределами отдельной деревни, и во всяком случае, не выходят за рамки отдельной фемы. Движения, имевшие место в отдельных деревнях, разумеется, не отмечаются в хрониках и в большинстве своем остаются для нас неизвестными. Лишь агеографические памятники оставили сведения о двух выступлениях крестьян в X в. Одно из них, описанное в житии Павла Латрского, происходило в районе Милета; о другом, охватившем несколько деревень в районе Спарты, рассказывается в житии Никона Метаноите³.

¹ Leo Diaconi Historia, Bonn, 1828, p. 99. 19.

² N. Vées. „Византийское обозрение“, II, 1916. Приложение № 2, стр. 45. 23—25.

³ См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агеографии, М., 1917, стр. 221.

Более массовый характер носило движение апелатов, известное по эпосу о Дигенисе Акрите.

Один из замечательнейших памятников средневекового эпоса — византийское сказание о Дигенисе Акрите — дошел до нас в поздних переделках, возникших не ранее XIV в. Поэтому в течение долгого времени оставался спорным вопрос о датировке этого эпоса: значительная часть буржуазных ученых (А. Хатчис, Н. Йорга) относила составление этого памятника к XII в. А. Грегуар, который первоначально правильно считал, что эпос о Дигенисе был составлен в середине X в.¹, в последнее время совершенно неосновательно стал относить зарождение эпоса к VIII—IX вв.²

Нам представляется несомненным, что сказание о Дигенисе Акрите возникло в X в.: об этом свидетельствует вся обстановка эпоса, переносящая нас в эпоху византийского наступления на востоке, когда византийские войска, преодолевая сопротивление арабов, вышли к Евфрату. Эпос о Дигенисе Акрите возник в восточных областях империи, в Каппадокии, где стратиги становились почти совершенно самостоятельными, а власть императоров была слаба.

Для историков-марксистов первостепенное значение имеет вопрос о социальной природе эпоса. Этот вопрос совершенно неправильно ставится и разрешается в западноевропейской буржуазной литературе. Визображении буржуазных византистов (Г. Шрайнер, А. Грегуар) Дигенис Акрит оказывается героем, в котором будто бы воплотил свои идеалы византийский народ; он выступает защитником семьи, веры, отечества³, наконец, защитником „бедных стратигот“⁴.

Иначе решают этот вопрос советские историки. Сравнивая сказание о Дигенисе с „Давидом Сасунским“, А. В. Банк указала на народный характер армянского эпоса в отличие от феодального характера византийского⁵. В рецензии на книгу А. Грегуара мы также старались подчеркнуть, что эпос о Дигенисе возник в аристократической феодальной среде⁶.

В недавнее время это положение было подвергнуто сомнению М. Я. Сюзюмовым, который вновь стал настаивать на народном характере византийского эпоса, не приводя, впрочем, в защиту своего взгляда каких-либо доказательств⁷. С мнением М. Я. Сюзюмова трудно согласиться: в эпосе о Дигенисе подчеркивается знатное происхождение героя (ἐξ ευγενῶν τῆς ῥῆγος); Дигенис живет в роскошном поместье (οἶκος), устроенном на берегу Евфрата и утопающем в садах; его окружает там толпа слуг: поваров, пекарей, виночерпиев и пр. Обращается Дигенис со своими слугами отнюдь не так, как следовало

¹ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Acritas. „Byzantion“, VI, 1931, p. 486 sq.; Autours de Digénis Acritas. „Byzantion“, VII, 1932, p. 288; Byzantská epopeje, „Slavia“, XI, 1932, str. 462.

² H. Grégoire. 'Ο Διγηνῆς 'Ακρίτης, New York, 1942, p. 35.

³ H. Schreiner. Die Helden der mittellgriechischen Volksdichtung als Wahrer des Volkstums und Retter des Vaterlands. „Известия на Българския археологически институт“, IX, 1935, s. 211.

⁴ H. Grégoire. 'Ο Διγηνῆς 'Ακρίτης, p. 113—114.

⁵ А. В. Банк. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский в кн.: „Давид Сасунский“. Юбилейный сборник, посвященный тысячелетию эпоса, Ереван, 1939, стр. 146.

⁶ А. П. Каждан. Рецензия на книгу А. Грегуара. „Изв. АН СССР“, серия истории и философии, т. V, 1948, № 2, стр. 214.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, т. IV, 1948, стр. 78, прим. 62.

бы ожидать от героя народного эпоса, — он расправляется с ними, как подлинный феодал: без всякого оттенка осуждения в эпосе рассказывается о жестокой и несправедливой расправе Дигениса со своим поваром, которому „герой“ одним ударом выбивает глаз¹.

В эпосе о Дигенисе мы находим далее рассказ о любовныхключениях византийского рыцаря — рассказ, в котором Дигенис выступает в очень непривлекательном виде. Однажды в пустынной местности, недалеко от арабской границы, Дигенис встретил дочь арабского эмира, обманутую и покинутую своим женихом-византийцем. В первый момент Дигенис, охваченный „благородным“ рыцарским порывом, обещает разыскать обманщика-жениха и заставить его выполнить свое обещание, но затем, во время поисков Дигениса охватывает страсть к этой девушке и он овладевает ею, несмотря на ее сопротивление, — поступок, которого нельзя ожидать от героя народного эпоса, но который отнюдь не оскорблял нравственности византийского феодала.

Наконец, в эпосе содержатся прямые указания на то, как именно создавались песни о подвигах византийских витязей: сам Дигенис, вернувшись домой после своих побед, берет цитру и слагает былинку о своих подвигах²; поют военные песни и агуры, „отроки“ феодалов³. Из этих военных песен и сложился эпос о византийском витязе, эпос, героями которого являются феодалы и в котором народ не играет почти никакой роли.

Впрочем, последнее положение не совсем точно: народ представлен в эпосе апелатами.

Самое слово апелаты (*ἀπελάται*) означает „воры“, „разбойники“ и может быть поставлено в один ряд с такими терминами, как *latrones*, *scamarae* и другими многочисленными названиями, которыми господствующие классы обозначали представителей трудящихся, поднимавших возмущение против несправедливости существующих порядков и создававших вооруженные отряды⁴. Конкретные данные эпоса рисуют нам апелатов живущими в горах⁵, в укромных потаенных местах, куда вода доставляется специальными подносчиками (*ὕδροφοροι*)⁶. Их место обитания эпос называет разбойничьим притоном (*λῆσταρχεῖον*), и оно кажется автору эпоса „чужим и ужасным“⁷. В эпосе прямо говорится о том, что апелаты выступают против архонтов⁸, т. е. против феодальной знати; рассказывается, как отряд апелатов во главе со старцем Филопаппой верхами⁹ спускается с гор и нападает на Дигениса.

Отношение автора эпоса к апелатам резко отрицательное: он изображает их трусами и хвастунами, повествуя, как юноша Дигенис проникает в убежище апелатов, легко расправляется с ними, избивает их кулаками и дубинкой; в другом месте рассказывается, как герой обращает в позорное бегство целый отряд апелатов и побеждает девушку-воительницу Максимо, которую апелаты призвали себе на помощь. Такое отношение к апелатам вполне естественно для феодального

¹ C. Sathas—E. Legrand. *Les exploits de Digénis Acritas*, Paris, 1875, стк. 1460—1462.

² Ibid., стк. 2105—2107. Ср. стк. 1986—1987.

³ Там же, стк. 679.

⁴ Const. Porphy. (*De serim.*, 696.4) употребляет термин „апелаты“ в значении „легковооруженные войны“ (Ср. комментарий И. Рейске, стр. 820—821).

⁵ C. Sathas—E. Legrand. *Op. cit.*, стк. 2004.

⁶ Ibid., стк. 1053 и сл.

⁷ Ibid., стк. 1060.

⁸ Ibid., стк. 1078.

⁹ Ibid., стк. 2020

эпоса, герой которого, знатный византийский рыцарь, является непримиримым противником „разбойников“. Совершенно иначе рассказывают о взаимоотношениях Дигениса с „разбойниками“ народные греческие песни более позднего времени: в народных песнях Хилиопаппа (т. е. Филопаппа эпоса) выступает сватом Дигениса, а после неудачного сватовства дает Дигенису совет, как увести полюбившуюся герою девушку.

Эпос о Дигенисе Акрите, сложившийся в X в., свидетельствует, таким образом, о существовании в горных областях на востоке империи, в феме Каппадокия, отрядов апелатов, скрывавшихся в укромных местах и нападавших на архонтов.

Источники отмечают ряд народных движений в правление императора Романа Лекапина.

В 920—921 гг. волнения прокатились по Южной Италии, население которой страдало от притеснений со стороны греческих динатов, получивших здесь, по данным жития св. Нила, прозвище грабителей¹. Положение крестьянства ухудшилось еще и в результате того, что стратиг Калабрии Иоанн Музалон увеличил подати для уплаты дани арабам². Повидимому, это обстоятельство и послужило толчком, вызвавшим восстание.

В источниках об этом восстании сохранились лишь скудные и противоречивые сведения. Житие Илии Спилеота повествует о том, что „Визалон“ (т. е. Музалон) замышлял поднять в Южной Италии восстание против императора, рассчитывая привлечь на свою сторону итальянское население (ἔθνος)³; однако он был убит собственными сторонниками⁴.

Совершенно по-иному рассказывает об этом событии хроника Скилицы. По свидетельству этой хроники, в самом начале правления Романа Лекапина стратиг Калабрии патрикий Иоанн Музалон был убит местными жителями (τοὺν ἐγγυρίων), которые не смогли больше переносить жестокость его правления⁵.

Возмущение против Музалона произошло, повидимому, в 920 г.⁶ Оно было использовано итальянской знатью: Луп Протоспафарий рассказывает, что в апреле 921 г. в битве при Асколи погиб византийский стратиг Урсилеон, а вся Апулия была захвачена Ландульфом Капуанским⁷. Вскоре, однако, между Ландульфом и византийцами был заключен мир, и Ландульф убедил вождей восстания вернуться в византийские владения⁸. Впоследствии местная знать ходатайствовала перед патриархом Николаем Мистиком о назначении Ландульфа стратигом⁹.

¹ См. об этом М. Брун. Византийцы в Южной Италии в IX и X вв., Одесса, 1883, стр. 12—43.

² J. Gay. L'Italie Meridionale et l'empire byzantin, Paris, 1904, p. 202 sq.

³ Обычно этот термин переводится как „язычники“, т. е. арабы — J. Gay. Op. cit., p. 203. Однако нам кажется, что наш перевод является более верным. В сочинении Константина Багрянородного „О фемах“, как и в иных памятниках, термином ἔθνη обозначаются не язычники-арабы, но племена Малой Азии, Балкан и Италии.

⁴ AASS, Sept. III, 870. D.

⁵ Cedrenus, II, p. 355.5.

⁶ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. 2, СПб., 1902, стр. 217.

⁷ Lupi Protospatarii Chronicon, a. 921. Ср. Chronica S. Benedicti (MGN SS, v. III), a. 921; М. Брун (Византийцы в Южной Италии в IX и X вв., стр. 43) произвольно отождествляет Урсилеона с Музалоном.

⁸ Cedr., II. 355—356.

⁹ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 285 sq.

Таким образом, несмотря на неясность отдельных деталей, мы можем констатировать, что восстание 920—921 гг. было направлено против византийского владычества. Местная знать стремилась в собственных интересах использовать недовольство народа тяжестью податного гнета, и на первых порах, повидимому, Иоанну Музалону удалось привлечь на свою сторону широкие массы. Однако вскоре крестьянство убедилось, что переворот Музалона не принес облегчения, — это вызвало возмущение, направленное на этот раз против самого Музалона. Убийство Музалона испугало феодалов Калабрии и Апулии, которые стали искать помощи у беневентских правителей, а затем поспешили заключить мир с Византией.

После заключения мира волнения в Калабрии не прекратились. Хроники ничего не рассказывают об этих волнениях, но свидетельство о них сохранилось в „Книге церемоний“. Там рассказывается, что император Роман I Лекапин посылал подарки королю Италии Гуго (926—947) и его графам, среди которых особенно выделен маркиз, владевший землями, соседними с фемой Лангобардия. Отвозивший эти подарки посол, протоспафарий Епифаний должен был просить у Гуго помощи против восставших (*τοὺς ἀποστάτους*), которые овладели замками стратига Лангобардии¹.

Характер этого восстания, происходившего между 926 и 944 гг., и его результаты не известны.

В 922 г. или несколько позднее вспыхнуло восстание в одной из восточных областей империи — в Халдии. Это восстание было возглавлено „халдом“ Адрианом и армянинном Татцаком (или Цанцом), за которыми стоял Варда Воила, представитель известного малоазийского рода Воил, являвшийся тогда стратигом Халдии. О Татцаке хроники сообщают, что он был весьма богат.

На первый взгляд это движение может показаться чисто феодальным бунтом, однако хроники прямо указывают, что в нем принимали участие убогие и незнатные (*πενυχροὶ καὶ ἄσθητοι*). Восставшие захватили крепость Пайпер (Пайперте), после чего против них были двинуты войска, во главе с лучшим византийским полководцем того времени — Иоанном Куркуасом, которому удалось нанести поражение участникам восстания. Однако после победы Куркуас ограничился лишь тем, что лишил глаз и имущества вождей восстания, а основную массу участников, если можно верить хронистам, отпустил на свободу².

Около 932 г. одно за другим произошли два восстания крестьян фемы Опсикий, возглавленные стратигом Василием из Македонии, принявшим имя Константина Дуки³. Ближайшим толчком к восстанию послужило ухудшение положения крестьянства в результате неурожая и голодных лет, наступивших после наредкость морозной зимы 927—928 гг. Ухудшение положения крестьянства облегчало проникновение феодалов в деревню и захват ими крестьянской земли: поэтому ближайшим последствием голода явился, как это отмечает новелла Романа Лекапина от 934 г., массовый сгон крестьян с земли, скупка крестьянских земель по баснословно дешевым ценам и т. д.

Первая вспышка восстания была подавлена сравнительно легко. Василий был схвачен, отправлен в Константинополь и приговорен

¹ Const. Porphir. De cerim., p. 661—662.

² Theoph. Cont., p. 404, p. 896; S. Runciman (Emperor Lecapenus and his reign), p. 70 f. относит это восстание к 923 г.

³ Подробности см. А. К а ж д а н. Восстание Василия Медной руки, „Византийский Временник“, т. IV, стр. 80 и сл.

городским епархом к отсечению руки, что и было исполнено. Вернувшись после этого в Опсикий, Василий вновь собрал вокруг себя толпу „нищих“ (τῶν ἀγυρτεύοντων πολλούς) и поднял новое восстание, которое наш источник — Симеон Логофет называет „великим восстанием против государства ромеев“.

Восставшие захватили крепость Платея Петра, в которой, по словам хрониста, хранились различные съестные припасы, — иначе говоря, эта крепость была хранилищем продуктов, собранных в качестве натуральных податей с крестьянства. Укрепившись в крепости, восставшие стали совершать рейды по окрестностям, нападая, повидимому, на чиновников и феодалов.

По приказу Романа Лекапина против восставших были двинуты войска, которым удалось захватить в плен Василия и некоторых из его сторонников. Василий был сожжен на Амастрианской площади в Константинополе. Жестокая расправа с вождем восставших, совершенная к тому же в самой столице империи, свидетельствует, что „великое восстание“ серьезно испугало правительство Романа Лекапина.

В 934 г. вспыхнуло восстание славян в Пелопоннесе. История этого восстания была предметом изучения ряда исследователей. Сравнительно недавно о нем писал М. А. Шангин¹.

Восстание славянских племен милингов и езеритов было вызвано стремлением византийских властей обложить их высокими податями и заставить принять архонта, назначаемого стратигом Пелопоннеса. Относительно хода этого восстания известно, что сначала стратигу Криниту удалось подчинить славян и наложить на них подать большую, нежели они платили раньше; однако в конце 934 г. славяне добились уменьшения подати до тех размеров, в которых она взималась до Кринита.

После смерти Романа Лекапина источники отмечают лишь одно движение, о котором мы можем говорить с большей или меньшей уверенностью как о народном, крестьянском; это — восстание 970 г. в Каппадокии². Остальные же возмущения — во всяком случае, в изображении источников — предстают перед нами только как феодальные бунты.

Вопрос о восстании 970 г. чрезвычайно сложен. Общепринято представление о том, что и это движение также являлось лишь феодальным мятежом, возглавленным опальным вельможей Вардой Фокой. Однако, при этом упускается из виду, что в среде сторонников Варды Фоки имела особая группировка, руководимая крестьянином Симеоном Виноградарем.

История восстания Симеона Виноградаря освещается в двух дошедших до нас источниках: в проникнутой аристократическим духом хронике Скилицы, опирающейся на известия современников, и в „Истории“ Льва Диакона, писавшего в конце X в.³

Анализируя эти известия, мы можем видеть, что Лев Диакон и Скилица передают две различные версии событий. Только в одном

¹ М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. „Византийский временник“, т. I, 1947, стр. 247.

² В процессе работы над историей этого восстания я получил важные советы от М. В. Левченко и П. О. Карышковского (в частности в вопросе о датировке восстания); пользуюсь случаем, чтобы выразить им глубокую благодарность.

³ Характеристика этих историков дана в работе М. Я. Сюзюмова. „Об источниках Льва Диакона и Скилицы“ („Византийское обозрение“, II, 1916). Отдельные положения М. Я. Сюзюмова нуждаются в настоящее время в пересмотре.

случае мы находим буквальное совпадение: оба автора рассказывают, что оставленный всеми Варда Фока взмолился словами псалма: *Διάσσω, κύριε, τοὺς ἁδικούντας μέ*¹. В остальном же названные источники значительно отличаются друг от друга. Так, рассказ Льва Диакона содержит чрезвычайно подробные письма императора и Варды Склира к Варде Фоке, отсутствующие в хронике Скилицы. Лев Диакон называет имя епископа Абидоса Стефана², тогда как Скилице это имя неизвестно³. С другой стороны, хроника Скилицы в конце рассказа о восстании вводит второстепенный эпизод с Константином Харонитом, которого нет у Льва Диакона. Лев Диакон объясняет фамильное имя братьев Феодора и Никифора Парсакутинов их происхождением из Парсакуты⁴, Скилица производит его от имени их отца Парсакутина⁵; имеются расхождения и в описании хода восстания, в наименовании крепости, в которую бежали последние отряды восставших, и т. д.

Особенно существенно расхождение обеих версий в рассказе о судьбах Льва Куропалата. Лев Диакон рассказывает о его аресте, и о том, что он был лишен глаз⁶, Скилица сообщает, что Цимисхий отдал тайный приказ сохранить зрение Льву Куропалату⁷.

Чрезвычайно важным является также противоречие в показаниях источников по вопросу о происхождении Симеона Виноградаря, но к этому вопросу мы вернемся позднее.

Все эти противоречия и расхождения свидетельствуют о том, что изложение истории восстания 970 г. у Скилицы и Льва Диакона восходит к двум различным версиям.

Толчком к началу народного восстания 970 г. послужило возмущение Варды Фоки. Это был представитель знатнейшего малоазийского феодального рода Фок, который приобрел чрезвычайно большое значение в середине X в. Отцом Варды Фоки был Лев Куропалат, брат императора Никифора Фоки. Варда Фока носил звание патрикия и был назначен дукой фемы Халдия.

После переворота Иоанна Цимисхия Фоки были лишены имений и власти. Льва Куропалата новый император приказал выслать вместе с его сыном Никифором на остров Лесбос, а Варде Фоке был отведен для жительства малоазийский город Амасия. Не желая примириться с этим, Варда Фока в 970 г. вместе с двумя своими родственниками — Феодором и Никифором Парсакутинами⁸ — бежал из Амасии и тайно направился в Кесарию Каппадокийскую, рассчитывая возглавить феодальный бунт против Иоанна Цимисхия.

О дальнейших событиях источники рассказывают весьма глухо. Скилица говорит, что в Каппадокии Варда собрал немалое войско (*ἐταίρων οὐκ ὀλίγων*), экзархами которого стали Парсакутины и Симеон Виноградарь⁹.

В этом известии многое нуждается в объяснении. Прежде всего следует выяснить, кто такой Симеон Виноградарь, тем более, что источники рассказывают о нем по-разному. Скилица лаконично

¹ Leo Diac., p. 121. 3, Cedr., II, 390.15.

² Leo Diac., p. 114.2.

³ Cedr., II, 389.5.

⁴ Leo Diac., p. 112.7.

⁵ Cedr., II, 388.23.

⁶ Leo Diac., p. 114.15.

⁷ Cedr., II, 389.15.

⁸ Leo Diac., p. 112.5—8.

⁹ Cedr., II, 388.22—24.

замечает, что Симеон был патриkiem¹; совершенно иначе и гораздо подробнее рассказывает он ем Лев Диакон. „Симеон, — читаем мы в его „Истории“, — который был крестьянином (γεωργός), занимавшимся виноградарством, получил по своей профессии прозвище Виноградарь (Ἀμπελάς); это был человек низкого и незнатного происхождения, который, однако, не уступал в мужестве и силе никому из наиболее славных мужей“².

Противоречие между Львом Диаконом и Скилицей, думается нам, должно быть разрешено следующим образом: Скилица в силу своей аристократической тенденции стремится затушевать роль народных масс в событиях своего времени; фальсифицируя историческую действительность, он старается уничтожить все, что говорит об участии народа в восстании 970 г. и с этой целью превращает крестьянина Симеона в патрикия.

При этом обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: Симеон — единственный из руководителей восстания, которому Лев Диакон дает более или менее подробную характеристику. Это объясняется скорее всего тем, что Симеон играл в восстании 970 г. особую роль.

Из известий Льва Диакона следует, что Симеон не был в числе спутников Варды, бежавших с ним из Амасии, что он соединился с Вардой Фокой и Парсакутинами только в Каппадокии. Иначе говоря, Симеон в момент прибытия Варды в Кесарию уже находился в Каппадокии и, скорее всего, был каппадокийцем, местным жителем.

Далее возникает вопрос, почему Варда Фока направился именно в Каппадокию. Нам думается, что это может быть объяснено только тем, что здесь, в Каппадокии, антиправительственное движение уже развернулось к тому моменту, когда Варда Фока прибыл в Кесарию. Эта гипотеза подтверждается следующими соображениями: во-первых, назначение крестьянина-виноградаря Симеона экзархом в войске Варды Фоки могло состояться только в том случае, если за ним стояла сила, т. е. если он возглавлял какое-то антиправительственное народное движение; во-вторых, если бы Варда Фока по прибытии в Кесарию не примкнул к уже развернувшемуся движению, но попытался поднять его „на чистом месте“, он и Парсакутины были бы неминуемо схвачены императорскими чиновниками, ибо их бегство из Амасии, разумеется, не могло не привлечь к себе пристального внимания. Действительно, одновременная попытка Льва Куропалата организовать заговор и поднять Македонию против Иоанна Цимисхия была пресечена в самом начале³.

Итак, в 970 г., когда Варга Фока бежал из Амасии и тайно прибыл в Кесарию, Каппадокия была уже охвачена движением, во главе которого стоял крестьянин-виноградарь Симеон.

Объединившись с Симеоном, Варда Фока стал собирать войско. К восставшим присоединилось, как мы уже знаем из сообщения Скилицы, немалое количество народа; то же подтверждает и Лев Диакон⁴. Тот факт, что в армии Варды Фоки и Симеона значительную роль играли народные массы, принимавшие активное участие в восстании, подтверждается следующим свидетельством Льва Диакона: когда противники восставших стали засылать в лагерь Варды лазутчиков, по-

¹ Cedr., II, 388.24.

² Leo Diac., p. 113.11—14.

³ Ibid., p. 114; Cedr., II, 389.

⁴ Ibid., p. 114.22.

следние облачались в нищенское платье (*εἰς ἐπαιτούντων σχῆμα*)¹. Этот факт может быть объяснен только преобладанием в лагере восставших бедноты, которая стягивалась под знамена Симеона.

Далее, важные указания на этот счет содержатся в письме Иоанна Цимисхия к Варде Фоке, которое приводит Лев Диакон. Это письмо, если даже оно и сочинено Львом Диаконем, несомненно отражает представление современников о восстании и может быть привлечено для его характеристики. В этом письме Лев Диакон резко, хотя и риторично, подчеркивает участие в восстании двух социальных сил. „Восстание, — обращается император к Варде, — мы считаем не столько делом, задуманным тобою, сколько результатом безумия и варварства твоих соратников“². Такое противопоставление могло иметь место только в случае резкой неоднородности состава восставших; именно это обстоятельство давало возможность Льву Диакону противопоставлять интересы Варды и его соратников.

Сказанное подтверждается наконец и самым ходом восстания, тем, что восставшие обратились в первую очередь против поместий (*οἰκίαι*) малоазийских феодалов, подвергая их разграблению и сожжению³.

Таким образом, восстание 970 г. было, как и многие средневековые движения этого периода, сложным по своему характеру явлением: наряду с феодалами, родственниками и приверженцами Варды Фоки, в нем участвовали и крестьяне, руководимые своим вождем Симеоном Виноградарем. Созданное из двух различных элементов, войско Варды Фоки и Симеона оставалось разнородным, и участники восстания преследовали различные цели. Феодалная верхушка стремилась к захвату власти: вскоре после начала восстания Варда был провозглашен своими сторонниками императором⁴ и стал щедро раздавать феодалам из своего окружения пышные титулы и обещания наград⁵. Народные же массы выступали против феодалов и громили их поместья.

Для подавления восстания было двинуто войско во главе с лучшим полководцем императора Вардой Склиром, который в течение долгого времени не решался перейти к открытым военным действиям, но старался посулами переманить на свою сторону вождей восстания. После того как ему удалось это сделать (на сторону императора перешел даже Симеон Виноградарь), он без большого труда сломил сопротивление остальных.

Разумеется, собранные нами факты немногочисленны: известия о большинстве крестьянских выступлений бесследно пропали, ибо они не были отмечены в византийских хрониках, повествующих о дворцовых переворотах и заговорах, но, как правило, умалчивающих о народных движениях. Нам остается почти совершенно неизвестной та упорная повседневная борьба крестьянства, которую оно вело против наступления феодалов. Отметим все же одну грамоту императора Льва VI, в которой говорится о расследовании протеста соседей монастыря Иоанна Колову против превращения их в монастырских париков: именно этого упорно добивались монахи путем подделки документов⁶.

Известия о выступлениях такого рода в гораздо большем количестве содержатся в памятниках XI—XII вв., которые говорят о поджогах

¹ Leo Diac., p. 120.3.

² Ibid., p. 115. 2—4.

³ Ibid., p. 114.24—25.

⁴ Ibid., p. 113. 19.

⁵ Ibid., p. 113. 20—22.

⁶ Порфирий. История Афона, т. III, ч. 1, стр. 295—297.

монастырских строений, борьбе париков с притязаниями феодалов на общинные земли и т. д.

Тем не менее, несмотря на скудость данных, мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего ясно видно, что крестьянские движения были наиболее интенсивными в правление Романа Лекапина. Быть может, было бы справедливо выделить два периода в царствовании этого императора, на которые приходится вспышки крестьянских движений. Первый период — это начало 20-х годов X в., второй — начало 30-х годов.

Далее, крестьянские движения в основном вспыхивают на окраинах Византийской империи (Южная Италия, славянизированный Пелопоннес, населенный армянами фема Халдия, фема Каппадокия с чрезвычайно смешанным населением — здесь жили армяне, арабы, исавры и пр.). Движения эти часто носят сепаратистский характер. Они несомненно связаны с протестом против гнета империи отдельных входивших в ее состав племен и народов, имевших свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки.

Затем факты показывают, что восстания в значительной степени были направлены против податного гнета. В соответствии с этим крестьяне в некоторых случаях вступали во временный и непрочный союз с той частью феодалов, которая боролась против централизованного государства. В условиях незавершенности развития феодальных отношений крестьяне в силу неразвитости, ограниченности своего политического мышления не могли понять, что феодал-единоплеменник, апеллирующий вдобавок к племенным традициям, является не менее, если не более опасным врагом, чем приезжающий из Константинополя сборщик податей. Ограниченность политического кругозора крестьянства давала возможность провинциальной знати использовать силу крестьянского сопротивления в собственных корыстных интересах, — в борьбе против столичного чиновничества, державшегося по старому за централизованную ренту, за старые формы управления.

Наконец, в ряде крестьянских движений (движение апелатов, восстание деревень близ Милета или близ Спарты) мы видим и иные черты: крестьяне нападают на феодалов, сжигают феодальные поместья. Здесь крестьяне уже не вступают в „союз“ с провинциальной знатью, — но, к сожалению, именно о таких движениях хроники хранят упорное молчание.

Вопрос об идеологии крестьянских движений в Византии X в. почти совершенно не освещен в известных нам источниках. Можно предполагать, что в среде византийского крестьянства после разгрома Тетрики продолжали сохраняться традиции павликианского учения, тем более, что сходные с павликианством „еретические“ движения широко распространяются как раз в это время в областях, соседних с Византийской империей. Наиболее известными среди них были ересь богомилов в Болгарии и ересь тондракидов в Армении. Социальное учение их являлось выражением протеста против господствующего класса, против податей и барщин, против чиновничества и церкви.

Аграрная политика императоров Македонской династии

Одной из серьезных ошибок буржуазных византинистов, допущенных при характеристике аграрной политики императоров X в., было молчаливое признание факта существования единой политики императоров Македонской династии, направленной в защиту крестьянской

общины или же „общего блага“ (некоторые попытки разграничить политику отдельных императоров X в. сделаны только в цитированной выше работе Э. Баха). Эта ошибка связана с тем, что в буржуазной византинистике до сих пор не был и не мог быть сделан анализ классовых корней византийского государства на определенных этапах его развития и не было выяснено, интересы каких социальных групп получали выражение в политике того или иного императора. Буржуазная византинистика в силу своей идеалистической методологии склонна объяснять политическую деятельность того или иного императора его личными качествами, его „силой“ или „нерешительностью“, исходя из того примитивного и ложного допущения, что „сильный“ император успешно отстаивает интересы „общего блага“ и „цивилизации“, тогда как император „нерешительный“ оказывается не в состоянии сопротивляться действиям „дурных сил“¹.

Отвергая теорию защиты „общего блага“, рассматривая императоров не как произвольных творцов исторического процесса, но как руководителей аппарата принуждения, призванного „держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“², мы естественно должны в первую очередь выяснить, интересы каких социальных сил они отражали. С самого начала можно видеть, что эта проблема является достаточно сложной применительно к Византии X в., ибо здесь в этот период боролись, по крайней мере, две группы против господствующего класса. Поэтому для того, чтобы понять византийское аграрное законодательство X в., нельзя рассматривать его как единообразное, но необходимо выяснить особенности аграрной политики императоров X в. на каждом ее этапе.

В настоящей статье мы остановимся на аграрной политике трех императоров Македонской династии — Романа Лекапина (919—944), Никифора Фоки (963—969) и Иоанна Цимисхия (969—976); их аграрная политика может быть выяснена с наибольшей четкостью.

Роман Лекапин своими новеллами 922 и 934 гг. положил начало аграрному законодательству Македонской династии. Содержание этих новелл общеизвестно: в них устанавливалось право предпочтения (*πρότις*) для крестьян („убогих“) при покупке земель. Этим правом должны были пользоваться в первую очередь члены больших семей (*ἀπὸ συγγενείας*), независимо от того, владеют они общим или разделенным имуществом; далее, лица, обладавшие общим имуществом в результате совместной покупки, и, наконец, соседи, разделявшие в свою очередь на несколько категорий³; некоторые права могли иметь и жители соседних деревень⁴.

Прежде чем переходить к анализу причин и характера законодательства Романа I, необходимо обратить внимание на то, что право предпочтения не было и не могло быть создано Романом Лекапином — оно существовало как одна из норм „обычного права“ и было порождением самой специфики большой семьи и сельской общины, каждая из которых представляла собою некоторое экономическое и административное единство. О наличии определенных прав, вытекающих из факта близости, соседства, свидетельствуют еще некоторые памятники

¹ См. особенно S. Runciman. *Emperor Romanus Lecapenus and his reign*. p. 10.

² И. Сталин. *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 604.

³ C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 238.. 11—17 и 21—24.

⁴ *Ibid.*, III, p. 246. 6.

IX в., как CXIV новелла Льва VI¹ или житие Григория Декаполита². Таким образом, значение законодательства Романа состоит в том, что он придал обычая силу закона, тем более, что обычай этот, как правило, не соблюдался феодалами, захватывавшими крестьянские земли.

Новеллы Романа, укреплявшие общину, несомненно ограничивали несколько возможности феодалов в присвоении крестьянских земель. Однако трудно сказать, в какой мере это ограничение возможностей феодалов стало реальным. Во всяком случае, акты монастыря св. Андрея, исследованные Г. Острогорским³, показывают, что динаты еще в X в. „научились“ не только обходить право близости (соседства), но и использовать его в своих интересах, выступая в качестве „соседей“. Повторное издание новелл при Романе само является известным свидетельством того, что ему не удалось приостановить натиска феодалов на общину.

Чтобы понять причины, породившие аграрное законодательство Романа Лекапина, необходимо учесть два обстоятельства.

Во-первых, появление новелл Романа несомненно было связано с новым подъемом народного движения в его царствование. Новелла 922 г. была издана непосредственно после восстания в Апулии и Калабрии (а также, повидимому, и восстания в Халдии); новелла 934 г. последовала за кризисом начала 30-х годов. Она отнюдь не была проявлением заботы Романа о крестьянах, попавших в бедственное положение в результате неурожая 928 г., как утверждают в один голос буржуазные ученые, — она была вызвана восстанием Василия из Македонии в 932 г. и пелопоннесских славян в 934 г. Повидимому, эти новеллы были задуманы как некоторые уступки недовольному крестьянству, иначе говоря, они были вырваны у правительства крестьянским движением.

Во-вторых, аграрная политика Романа Лекапина вовсе не означала на деле реального улучшения положения крестьянства. Демагогически изображая себя в новеллах защитником униженных и бедных, Роман в то же время увеличивал бремя податей и жестоко выколачивал налоги из тех самых „убогих“, спасителем которых изображает его буржуазная историческая традиция. Об этом свидетельствует чрезвычайно выразительная характеристика Романа, содержащаяся в хронике Продолжателя Феофана. Хронист рассказывает, что Константин VII, преемник Романа на императорском престоле, „слышал о несправедливостях и поборах, которым подвергались при его тесте Романе (Лекапине) несчастные и почтенные „убогие“ со стороны стратигов и протонотариев, воинов и всадников, и он послал благочестивых и почтенных мужей, чтобы облегчить бремя податей, взимавшихся с несчастных бедняков“⁴. Из известия Продолжателя Феофана видно, что Роман Лекапин, с одной стороны, запрещал феодалам расхищать крестьянские земли и превращать тем самым плательщиков государственных податей в частновладельческих, личностнозависимых крестьян, с другой — еще ту же завинчивал податной пресс.

Из всего этого можно сделать следующий вывод: Роман Лекапин оказался вынужденным под давлением крестьянских движений несколько

¹ C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 220. 29.

² F. Dvornik. *La vie de S. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle*, Paris, 1926, p. 63. 22—24.

³ G. Ostrogorsky. *The peasant's pre-emption right*. „*Journal of Roman Studies*“, XXXVII, 1947.

⁴ Theoph. Cont. p. 443.

облегчить положение крестьянства. С этой целью он признал законом существовавший уже обычай предпочтения. Имела ли эта уступка реальное значение для крестьянства, — этот вопрос остается, по меньшей мере, спорным: во всяком случае, ясно, что новеллы Романа Лекапина не могли помешать развитию крупной феодальной собственности. Далее, если Роман и шел на уступки крестьянству и жертвовал интересами провинциальной знати, он не только сохранял централизованную ренту-налог, но и увеличивал податной гнет. Этому полностью соответствует его политика по отношению к монастырям, выдачи которым систематически возрастали.

Таким образом, оказывается, что политика Романа Лекапина была направлена отнюдь не в защиту „младшей братии“ или „общего блага“ — он защищал в первую очередь интересы той части господствующего класса, которая была заинтересована в централизованной ренте-налоге. Разумеется, ради ее выгод ему иной раз приходилось жертвовать интересами провинциальной феодальной знати, — но борьба между этими группировками не была порождена принципиальными противоречиями: это была борьба за долю в феодальной ренте, за право грабить крестьянина.

Политика императора Никифора Фоки также ни в коей мере не может быть оценена как политика, направленная якобы на защиту интересов крестьянства: в новелле 967 г. он ограничил право предпочтения византийских крестьян, а с другой стороны — установил сорокалетнюю давность, которая делала законным присвоение динамитами крестьянских земель (при условии *bona fides*)¹. В то же время Никифор увеличил и податное бремя: хронисты говорят об установлении Никифором новых податей и об увеличении старых, о тяжелых денежных и натуральных поборах².

Переход к энергичному наступлению на крестьянство в правление Никифора Фоки и увеличение нормы эксплуатации стало возможным, главным образом, благодаря дальнейшему развитию и укреплению феодального способа производства. К середине X в. в Византии складывается довольно многочисленная прослойка мелких феодалов, обладавших значительными земельными наделами и служивших в войске в качестве тяжело вооруженных всадников-катафрактов. Оформление их как особой социальной группировки было завершено при Никифоре, который в одной из своих новелл установил новый, гораздо более высокий минимум стратиготского надела (увеличив прежний втрое)³: тем самым стратиоты были как бы отделены, резко противопоставлены крестьянству, к которому они принадлежали прежде; они образовали своего рода византийское рыцарство⁴. Это тяжело вооруженное, феодальное по своему существу войско Никифора и обеспечило его победы в войнах с арабами. В то же время это войско могло быть использовано для борьбы с крестьянством и, во всяком случае, для его устрашения.

Итак, социальной опорой Никифора Фоки являлись мелкие рыцари-стратиоты. В то же время против него выступали другие группировки господствующего класса: крупные феодалы типа Иоанна Цимисхия⁵,

¹ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 298.

² *Zon.*, IV, 81. 15.

³ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Op. cit.*, III, p. 299—300.

⁴ Ср. P. Charanis. *On the Social Structure of the Later Roman Empire. „Byzantion“*, XVII, 1945, p. 52, n. 52.

⁵ Следует отметить, что Никифор пришел к власти в союзе с Иоанном Цимисхием, и разрыв между ними наступил позднее.

богатая церковь во главе с патриархом Полиевктом и значительная часть синклитиков, т. е. константинопольского чиновничества. Борьбу, которую вел Никифор против этих группировок и, в частности, ограничение им церковного землевладения¹, не следует рассматривать ни как защиту неимущих, ни как защиту общего блага, — это была политика, продиктованная интересами определенной группировки внутри правящего класса.

Иоанн Цимисхий был ставленником крупных феодалов и сам принадлежал к одному из наиболее знатных родов — к Куркуасам. Его политика благоприятствовала укреплению позиций феодальной знати. Он щедро раздавал податные льготы², делал большие уступки церкви и, в частности, допустил участие патриарха в назначении епископов³. Применяя войско катафрактов, он в то же время стремился к распространению системы вассалитета; это должно было содействовать объединению интересов мелких и крупных феодалов и созданию объединенного дворянства. Иоанн Цимисхий не препятствовал росту крупного землевладения — при нем на восточных границах империи стали складываться почти самостоятельные княжества, подобные владениям Василия Нофа. Ища поддержки константинопольской знати, он увеличил рогу, выдаваемую синклитикам⁴ и т. д. Расцвет феодальной знати и политический кризис Византийской империи в малолетство Василия II был, по существу, подготовлен политикой Иоанна Цимисхия.

Таким образом, ни один из трех византийских императоров X в., аграрная политика которых была нами рассмотрена, не являлся выразителем интересов „младшей братии“ — все они были представителями различных группировок класса феодалов. Социальными интересами представляемых ими групп, а не заботой о крестьянстве определялась их политика. Однако сопротивление со стороны крестьянства заставляло феодалов ограничивать свои аппетиты: при этом, как показывает пример Романа Лекапина, каждая феодальная группировка старалась сделать крестьянству незначительные уступки за счет другой группировки. Этим объясняется то обстоятельство, что некоторые византийские императоры X в., заинтересованные в централизованной ренте, готовы были ограничить натиск феодалов на крестьянскую общину. С другой стороны, крестьянское сопротивление обуславливало изменение форм политического господства правящего феодального класса и, в частности, складывание отношений вассалитета.

Подводя итоги, мы могли бы сказать, что развитие в Византии феодального способа производства и наступление феодалов на общину порождает сопротивление крестьянства, последнее же в свою очередь оказывает чрезвычайно существенное влияние и на политику византийского государства.

Настоящая краткая статья не может, разумеется, разрешить всех проблем, связанных с классовой борьбой в византийской деревне X в. Задачи ее гораздо более скромны: она должна показать, что в настоящее время невозможно рассматривать аграрную политику императора Македонской династии по-старому, что для понимания этой политики необходимо учитывать как классовую борьбу византийских крестьян, так и борьбу внутри самого класса феодалов.

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 292 sq.

² Leo Diac., p. 100. 7.

³ См. об этом А. Gfrörer. *Byzantinische Geschichten*, II, p. 525—527.

⁴ Leo Diac., p. 100. 8.